

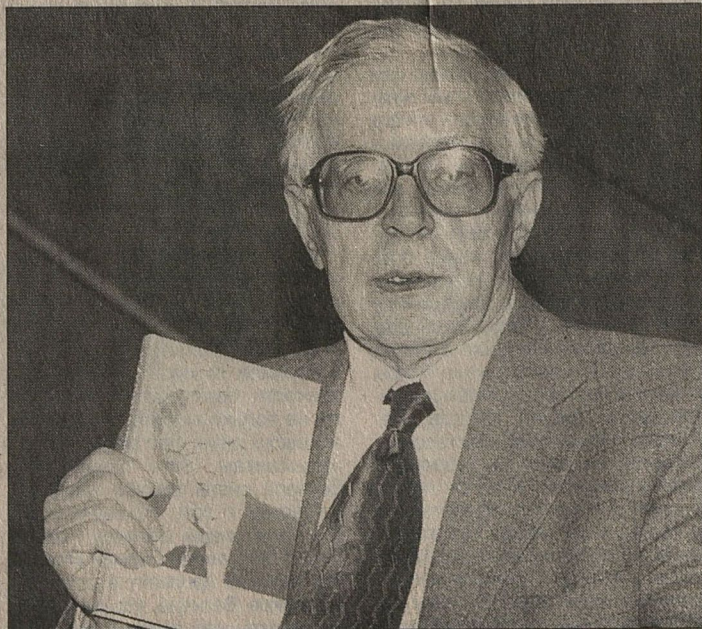
Культура. — 2002 —
23-29 июня. — с. 13

Достойнейший

Лев Наумов. "Под знаком Нейгауза". РИФ "Антиква". Москва, 2002

"Пришлось вспомнить свою жизнь, вспомнить давно забытое... Я должен сказать о дорогих мне людях, которым обязан" — это слова профессора Московской консерватории Льва Наумова, воспитавшего целую плеяду выдающихся пианистов. И вот под счастливым знаком Нейгауза родилась замечательная книга (за что большое спасибо и автору, и его настойчивым помощникам — редакционному коллективу газеты "Музыкальное обозрение" и Катерине Замоториной, выступившей в роли вдохновительницы, собеседницы и редактора). На общем фоне процветающей в последнее время мемуаристики эти воспоминания выделяются редким сочетанием широты взгляда, основательного профессионально-музыкантского подхода и эффекта соприсутствия читателя, усиленного импонирующей непринужденностью интонации. Удачно найден и модус повествования — "мнимый монолог", за которым скрывается живая, "неотполированная" беседа с "вынесенным за скобки" собеседником. Здесь нет ни навязчивой субъективности, ни стремления к самовыражению: лишь спокойный взгляд на пережитое, ясность мысли и поразительная, утраченная ныне интеллигентность.

"Под знаком Нейгауза" уместается очень многое — ведь это не только название, но и некий лейтмотив, путеводная звезда в

Л. Наумов

странствиях по легендарной эпохе "торжества духа". Трогательные в своей безыскусности воспоминания детства, освещенного зловещей тенью сталинского времени. Пора ученичества — тут многое из области невероятного: Лева Наумов прослушивается у Шостаковича и Фейнберга, с приятелем "Борей Чайков-

ским" приходит на грозный экзамен по истории СССР (экзамен отменили — началась война), вместе с "Таней Николаевой и Славой Ростроповичем" посещает класс композиции В. Шебалина, становится свидетелем и участником приснопамятных событий 1948 года.

Книга дарит частицу того востор-

га, который иные счастливыцы испытывали от общения с представителями вымершей расы гениев, знавшими, что такое "пир души". Софроничский, Юдина. Детские утренники и взрослые балы в доме "Светика" Рихтера, знаменитые рихтеровские посиделки, венчавшиеся не менее знаменитыми ужинами. "Слава привозил из-за границы странные продукты... Он притащил сырые шампиньоны и сказал: "Сначала мне было трудно, но потом я привык. Попробуйте, попробуйте!" Рихтер был очень счастлив, что предлагает что-то новенькое".

Центр бытия — 29-й, нейгаузовский, класс консерватории, где собирался, что называется, "весь цвет". Но главное — сам Генрих Густавович — "бонвиван, очаровательный собеседник, умница, который бросался в разные области искусства... Он отличался широтой — не как педагог — это плохое слово, а в том смысле, что хотел воспитывать людей".

Воспитывать людей — педагогическое кредо и самого Л. Наумова, книга которого полна любопытных размышлений о пианистах, фортепианном искусстве и, конечно, об учениках — о каждом из птенцов своего гнезда он рассказывает вдохновенно, образно, с отеческой теплотой и зоркостью профессионала.

Отправным пунктом размышлений автора — касаются ли они ком-

позиторских стилей, фортепианных школ или конкурсов — становится не позиция "просвещенного пианизма", но точка зрения человека, который любит и знает музыку вообще. Подробности "профессиональной кухни" (нередко столь обстоятельные, что на память сами собой приходят знакомые "темки") соседствуют с обобщенными, почти афористичными высказываниями, в которых уловлена "самая суть".

Книга Наумова многогранна: это не только поразительно живые зарисовки "золотого века советского искусства" и рассуждения "на темы", но и уникальное в своем роде пособие для музыкантов — правда, не для тех, кто желал бы заполучить сборник готовых рецептов на все случаи жизни, а для тех, кто не боится подписаться под словами Учителя: "Настоящий музыкант должен возвышаться над обыденностью, обязан быть очень требовательным прежде всего к себе, помнить, что истина в искусстве, подобно ребенку в чреве матери, рождается с неимоверными трудностями, муками. Это — испытание на прочность и, наконец, жертвоприношение во имя музыки, которую мало любить: нужно еще быть ее достойным".

Лада АРИСТАРХОВА
Фото ИТАР-ТАСС

Наумов Лев

29.6.02

180